

Николай Тимофеев

**РУСЬ В ПОЭМАХ.
ОТ СКИФОВ
ДО ВЕЩЕГО ОЛЕГА**

Николай Тимофеев Русь в поэмах. От скифов до Вещего Олега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28510962

ISBN 9785449014863

Аннотация

Книга написана в свободном поэтическом стиле, лёгком для восприятия, допущена малость иронии. Содержание соответствует трудам русских историков, но на точность не претендует. Публиковал в Интернете, отзывы были хорошие. Продолжение книги следует.

Содержание

От потопа до скифов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Русь в поэмах. От скифов до Вещего Олега

Николай Тимофеев

© Николай Тимофеев, 2017

ISBN 978-5-4490-1486-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От потопа до скифов

Микеланджело Б. Изгнание из рая. Ватикан

Как жили на свете Адамовы дети,
На проклятой Богом планете Земля,
За грех первородный пред Богом в ответе,
Поведано в книге святой Бытия.

Числом умножаясь, в путях извращаясь,
Грешили и жили до тысячи лет,
А зло совершали открыто, не каясь,
Как будто над ними Всевышнего нет.

Их дочери были безмерно красивы,
Сходили к ним Божьи с небес сыновья.

Общение плотское стало не диво:
Какая понравилась, та и твоя.

Настала пора и пошла детвора.
От жён тех рождались одни исполины,
С сынами небес по обличью едины.
По нраву ли Господу эта игра?

Взрастали, как сильные, славные люди.
Великим стал всё же меж ними разврат,
Все мысли ко злу, что же впредь с ними будет?
Весь род человеческий в том виноват.

Раскаялся Бог и сказал: «Истреблю
Я всех человеков, всех гадов, скотов,
А Землю другими людьми населю»
В мгновение ока и план был готов.

Залил Бог растленную землю водою
И всякую плоть на земле истребил.
Прогноз о потопе поведал Он Ною,
Лишь Ной непорочным пред Богом ходил.

Господь повелел Ною сделать ковчег,
Покрыв для надёжности судно смолою.
На триста локтей, чтоб хватило для всех,
Кому не дано утонуть под водою.

«С тобою, – сказал, – Я поставлю завет:

Спасёшься ты, Ной, со своею семьёю,
Но плоти развратной спасения нет,
Живи на земле со своею женою.

Возьми на ковчег и своих сыновей,
С их жёнами тоже, пусть будут по паре,
Припасы для пищи, тут сил не жалея.
По паре животных и всяческой твари»

И сделал Ной всё, как велел ему Бог.
Трудился, как мог, был он в возрасте всё же:
Шестьсот лет не шутка, а зрелости срок,
Но воля Господня для Ноя дороже.

Вошли до потопа всего за неделю
И жёны, и Ной, и его сыновья.
Все твари земные в ковчеге сидели,
Друг друга терпели, как будто семья.

Доре Гюстав. Потоп. Франция.

И вот, отворились все окна небес,
Пять месяцев лило, вода умножалась.
Пик горный, высокий, из виду исчез,
Живым ничего на земле не осталось.

Закрылись источники, дождь перестал,
Вода убывала с земли постепенно.
В горах Араратских заняв пьедестал,
Ковчег над землёй возвышался надменно.

В двенадцатый месяц, раздравши люки,

Что были прорублены над головой,
Ной выпустил ворона, как по науке,
Вот ворон вернулся, сидеть должен Ной.
Потом после ворона голубь летал,
Принёс лист масличный во рту из полёта.
По признаку вещему Ной и узнал:
Местами уж сухо, пора за работу.

Ной подождал ещё месяцев пару,
Взял, вывел на сушу семью и скотов.
Той суши немеряны были гектары,
И люд был и скот размножаться готов.

Ной чистую жертву путём всесожжений
Для Господа Бога немедля принёс,
Всех прежде устройств и всех прежде решений,
В глазах же Господних усердем возрос.

Промолвил Господь в Своём сердце: «Не буду
Всю Землю Я впредь за людей проклинать.
От юности зло их, созреют покуда...
Не буду живущих на ней поражать.

Впредь сеянье, жатва, морозы и зной
Пойдут чередою в веках друг за другом.
День сменится ночью, а лето зимой,
Так будет всегда по привычному кругу»

Благословил Бог Ноя и семью,
Троих потомков: Сима, Хама, Иафета.
Сказал им: «Умножайте плоть свою,
Других забот для вас пока что нету.

Всё, что шевелится, что движется, живёт,
Вам будет в пищу, ешьте до отвала,
Лишь кровь не трогайте, а кто её сожрёт,
С того взыщу, даю и так немало.

Со зверя всякого Я вашу кровь взыщу
И с вас самих, простерших руку к брату.
Рукою ближнего за душу отомщу,
В крови душа, сыщу Я виноватых.

Теперь плодитесь, наполняйте землю.
Вот, Я поставлю с вами Мой завет,
Словам Моим пусть и потомство внимлет:
Не будет впредь в земле подобных бед.

Дожди пойдут без общего потопа,
Земную живность не сведу к нулю.
Пусть живут Америка, Европа,
Другие все, водой не истреблю»

Сказал им Бог: «Знамением завета
Я полагаю радугу Мою.
Себе для памяти, вам знаком будет это:
Потопом землю снова не залью»

От Ноя, Сима, Хама, Иафета
По Божьей воле населилась вся земля.
Кто б ни был ты, а всё ж когда-то, где-то
Проклонет сущность хамская твоя.
Особо, если честь твоя задета,
Иль интересы в дебрях бытия.
Случилось так: в истоке всех начал
Родоначальник Хам наш подкачал.

Ной земледелием занялся первым делом,
Натыкал лоз и виноград возрос.
Вино давил он быстро и умело,
Хороший плод труд праведный принёс.

В потёмках Ной проплавал целый год,
А жил шестьсот, всё ль со здоровьем гладко?
С больших трудов да кто же не нальёт?
Вот перебрал, напился Ной с устатка.

Заполз в шатёр, разделся донага
И спал в тени, в прохладе и в истоме.
Один ведь пил и даже пирога,
Лепёшки пресной не нашёл он в доме.

Увидел Хам отцову наготу,
С издёвкой сказал о том двум братьям:
«Прёт от отца сивухой на версту,
Раскинул руки будто для объятья»

Сим с Иафетом что-то из одежды
С собою взяв, в шатёр вступили задом.
Накрыли пятась и прикрывши вежды,
Почтить родителя считали за отраду.

Гюстав Доре. Изгнание Хама. Франция.

Проспался Ной от крепкого вина,
Проведал о глумлении меньшого
И наказал отступника сполна,
За дерзкий нрав, хулительное слово.

Сказал он Хаму: «Проклят Ханаан,
Твой меньший сын, рабом он будет братьям.
Пусть внук он мне, я не сниму проклятья,
Весь род его рассею, как туман»

Как сказал Ной, так вскоре случилось,

Весь рассеялся род ханаан.
Их по странам немало ютилось,
Кочевых, бесприютных цыган.

Ной прожил почти тысячу лет,
Видел быстро растущее племя.
Всем родам и числа-то уж нет,
Разойтись по земле было время.

На земле всей один был язык
И одно в изъяснениях наречье,
Понимали друг друга при встрече.
Общий замысел в людях возник.

От востока пошли в Сennaар,
Собрались на широкой равнине.
Порешили, что в этой долине
Город выстроят вечности в дар.

Брейгель П. Строительство Вавилонской башни. Женева.

Создадим себе громкое имя
Мы делами, руками своими,
Не страшны ни потоп, ни пожар.
Посредине великого града
Возведём высотой до небес,
До запретного райского сада,
Башню к солнцу, чтоб мрак в ней исчез.

По округе ни гор, ни камней,
А из леса лишь мелкий кустарник.
Налепили из глин кирпичей,

Обожгли, весь ушёл подтоварник.

Вместо извести взяли смолу
Земляную, в местах тех водилась.
День за днём город рос наяву,
Башня втрое быстрее возводилась.

С полуслова и с полунамёка
Все друг друга тогда понимали.
Замки, хаты сдавали ко сроку,
Захотят отдохнуть – отдыхали.
Без войны, без борьбы и порока
Пили, ели и горя не знали.

И вот, Господь увидел их работу,
Творенья человеческих сынов,
Талантов и фантазии полёты,
Сказал в Себе: «Погибнут без оков.

Что делать начали! Теперь уж не отстанут,
Какой же предприимчивый народ.
Законы тяготения обманут?
На них же башня скоро упадёт»

Смешал Господь строителей языки,
Что род один другой род не поймёт.
Пустые звуки слышат, только крики
И прекратил строительство народ.

Во все концы земли из Вавилона
Пошли родные Ною племена.
Их тьмы и тьмы и даже миллионы,
Родными братьями земля заселена.

Всё ж изменились как за эти тыщи лет.
Да климат разный, что же вы хотели?
Вот в Скандинавии загара в лицах нет,
А африканцы лихо загорели.

В Китае, говорят, лимоны ели,
И что ни день, то с кожурой лимоны.
Прижмурились и малость пожелтели,
Отсюда речь, походка и поклоны.

Прорабов часть в Египет подалась,
Не вышла башня, выйдут пирамиды.
Росли гробы, но множилась и власть,
Рамзес большой, он не простит обиды.

Он оградил себя премудрыми жрецами.
Назвали так, что кушали от скуки,
А на досуге грозные науки
Изобрели, поверив в них и сами.

По чертежам наскальным субмарину
Построили такую же, как Ной,
Но только меньшую почти наполовину.
Её, как Ной, обмазали смолой.

Канаду и Америку открыли,
За много месяцев доплыли на ковчеге.
Размножились и весело там жили,
В разнообразии, в согласии и в неге.

Вот в Антарктиде люди не прижились.
Где слишком холодно, там жить нам не резон,
К Зеландии, Австралии прибились,
Пошёл и в Африку немалый легион.

Пешком с пожитками, но кто-то взял коня,
А кто-то ехал просто на верблюде.
Шли по земле, традиции храня,
Творца Создателя забыли скоро люди.

Забыли люди Бога, задурили,
Молва пошла: придуман, мол, и Ной.
Сказали: «Волки, змии нас родили,
А кто-то вдруг родился сам собой.

Один мечтатель думал долго-долго,
Мозгам губителен Британии туман,
Додумался: мы, люди, не от волка,
Произошли мы все от обезьян.

Сказал к тому ж: «Родитель Океан,
Мы доросли с простейших инфузорий»
Да кто же против, чтоб родило море,

Когда и с гор не виден Магадан.

Господь создал гориллу и макак,
Поведал людям: «Вы подобья Божьи
И с обезьянами равняться вам не гоже,
Со Мною то же, если не дурак»

А люди во все тяжкие пустились,
Своим подобием сварганили богов,
Болванов грозных делать наловчились,
Пройдёт неделя и божок готов.

С Единым Богом связи потеряли
И вместе с тем утратили покой.
Дойти до истины удастся всем едва ли,
Но о религиях отдельною строкой.

Пустили слух, что на одном ковчеге
Упрятать живность вряд ли смог бы Ной.
Всех видов мух не вместишь на телеге,
Зверьями, птицами наполнен шар земной.

Так Ною всех спасать-то и не надо,
По роду, виду взял животных Ной.
Ковчег по площади не меньше зоосада,
Ведь роды множились с наружностью иной.

Вот случай был: козёл в телячье стадо
По недосмотру что ли там проник.

Так что же это, радость иль досада?
На свет явился мощный овцебык.

Другой пример: в табуне дело было,
Там жеребец наелся и уснул.
Тайком осёл дорвался до кобылы
И у неё в свой срок родился мулл.

Делакруа Э. Лошадь. Будапешт, музей.

Проснулся и разгневался вожак,
Сам жеребец настроился на месть,

Он у ослицы в день тот отнял честь.
Порода новая – явился в мир лошак.

По родам превращений очень много,
Но и для них имеется порог.
Предел тот создан замыслом от Бога
И преступить его ещё никто не смог.

Когда же люди дальних двух родов
Задумают одну создать семью,
То тут Господь не дал запретных слов,
Сомнений нет, улучшат кровь свою.

Столетиями люди селились вдоль рек,
По берегу моря роды и народы.
Не может прожить без воды человек,
Так было и будет так долгие годы.

По тёплым местам шли на Юг и Восток,
Шли к Инде и Гангу, Бенгальскому морю.
До Чёрного путь уж совсем недалёк,
Дунай, Днепр и Волгу освоили вскоре.

На Север шли медленно, малым гуртом,
Где Белое море, Двина и Онега.
Отважные люди нашли там свой дом,
Но род их один: мореходы ковчега.

Где раньше селились, быстрее развивались

Ремёсла, искусства, росли города.
Добро друг у друга похитить старались,
А с войнами вместе возрастала беда.

Убийства, пожары, захват, грабежи,
Народов историю сетью покрыли.
Границы империй, родов рубежи,
В крови с переменным успехом чертили.

Смахните с преданий о Греции, Риме,
Блистание красок, поэзию слов,
О том, как Гераклы руками своими
Народ избавляли от мрачных оков,

О том, как в Олимпе огонь воровали,
Как печень отдал за тепло Прометей,
Увидите мерзостей меньше едва ли,
Чем в дикой и грозной России моей.

Довольно всего у любого народа:
Великие вехи, зло мелких обид.
Породу людей образует природа,
Все ходят под Богом, никто не забыт.

Раскинулась Русь необъятной равниной
С великими реками, цепью озёр,
С бескрайнею степью, ни с чем несравнимой,
От Понта к Уралу, до северных гор.

Понт – Чёрное море, считалось границей
Ужасных, богатых полуночных стран,
В которых охраною нечисть плодится,
А Понт необъятный и есть океан.

Лет за семьсот до рождества Христова
Дерзнули греки за Понт проникать.
О той земле своё сказали слово,
Легенды, мифы начали слагать.

Живут там скифы, кочевые племена,
По устьям рек, воинственный народ.
В холодные воюют времена,
А по теплу в лугах разводят скот.

Могучий Гераклес их праотец.
Приплыл из Греции, земля была пуста.
Олимпа грозного посол или гонец
Сам заселил обширные места.

Застигла буря, лёг он отдохнуть
На берегу, укрывшись львиной шкурой.
Решил: поспим, пробьёмся как-нибудь,
Жизнь в ратном подвиге была второй натурой.

Натурой первой Гераклес был бог,
Служил он богом на Олимпе много дней,
А тут проснулся, видит – без сапог,
Нет колесницы, нету и коней.

Пока он спал, добро всё кто-то спёр,
Ну как стране тут после доверять?
Пошёл искать, куда укрылся вор,
Герою больше нечего терять.

Ходил – бродил по нынешним курортам,
Пришёл в лесную местность Гюлэю.
Следы все смыло, или кем-то стёрты,
Бог проклял долю горькую свою.

А гнев крови играет по аортам:
«Найду вора, башку всю разобью,
Везде найду и в логове у чёрта»
Тут он увидел женщину – змею.

Штук Ф. Фавн и русалка. Мюнхен.

Лежало чудище во глубине пещеры,
Рукой чесало сзади чешую.
Все части тела разрослись без меры,
Хвостом шевелит, роет колею.

Спадают волосы, огнём горя, до дола,
Глаза морской сияют бирюзой.
Что до колен, то женского всё пола,
Зачем же этой бабе хвост трубой?

Сказала: «Заползай-ка, Геркулес,

Ехидна я, смогу тебе помочь.
Отец мой бог, я Борисфена дочь,
Очаг лишь тут, вокруг дремучий лес.

Мы не в Олимпе, нет у нас нектара,
Зато в лесу живут по дуплам мухи,
Зовутся пчёлами, приносят мёд мне даром.
Входи герой, мы выпьем медовухи»

Подуло с моря, снова ураган
Нарушил планы Геркулеса о погоне,
Вошёл и выпил с ходу целый жбан.
Ему Ехидна: «Целы твои кони.

Они накормлены, стоят в надёжном месте,
В большой пещере дальше, за горой.
О них не думай, думай о невесте,
В ночи свершай ты подвиг свой, герой.

Садись поешь, ещё себе налей,
Источник наш в веках не оскудеет.
Согреешь кровь, желание созреет,
В противном случае не дам тебе коней.

В пустыню с миссией ты послан, Геркулес,
По воле Зевса оказался у пещеры.
Так не ломай же олимпийской веры,
Исполни долг по прихоти небес.

С тобою род мы обоснуем в сей пустыне,
Начнём сейчас же, прямо до зари,
Со всех сторон ты пленник мой отныне,
Мне сына сделаешь, возможно даже три»

Подумал Геркулес: «Где взять управу
На эту бабу, как забрать коней?
Да пусть с хвостом, весёлого всё ж нрава
И остальное вроде бы при ней»

Нужда великая, остался жить в пещере.
Приновился, жил с ней много дней,
Давным давно, ещё не в нашей эре,
На свет троих родили сыновей.

Агатирс первый, кремень, тверже стали,
Охотник, воин. Был вторым Гелон.
Его стараньями стада все возрастали,
Наделы ширились, торговлей ведал он.

Моро Г. Юпитер и Семела. Париж.

А младший Скиф, достойный, знаменитый,
По силе, красоте, как Геркулес
И как Ехидна мама очень скрытный:
То блещет ум, то в доблесть перевес.

Родоначальник Скифии царей,
Племён воинственных от Дона до Дуная,
Владыка тучных пастбищ и полей
От южных гор до северного края.

Сам Геркулес, как водится, исчез,

Оставив рюмку, лапы отпечаток,
Потом с Олимпии для Скифа дал задаток,
Что признан главным волею небес.

Пред братьями упали с неба чаша,
Колчан со стрелами, неподалёку лук,
Воловье иго, для распашки плуг
И всё из золота, одно другого краше.

Сокровища пытались принять в руки
Два брата Скифовы, но жёг огонь ладони.
Отбросили, терпеть не в силах муки,
Далось всё младшему и Скиф воссел на троне.

От братьев разные родились племена:
Агатирсы, гелоны, паралаты,
Но стала Скифией для мира вся страна
С её безбрежностью, историей богатой.

Из Азии в Европу шла дорога
По северным Понтийским берегам.
Племён несчитано легло костями там,
В местах приветливых осело их немного.

Как утверждал историк Геродот,
Вначале жили тут киммерияне.
Затем из Азии, как саранча народ
Пошёл чуть северней, в надежде сбора дани.

Народ свирепый, назывался скифы,
За ними вглубь селились исседоны,
За исседонами хранили злато грифы,
Ещё циклопами леса там заселёны.

На берегах же северных морей,
Где вечный холод в сумраке царит,
Где океан суров и ледовит,
Живёт народ блажен – гиперборей.

Народ безвредный, добрый для соседей,
Задумчивый, как северная мгла.
Доволен всем, природа что дала,
Пасёт оленей, изредка медведей.

Киммериян от моря гнали скифы,
Заняли всю прибрежную равнину.
Никто не смог остановить лавину,
О том гласят предания и мифы.

Порабощали скифы племена,
Их за заморские товары продавали,
Для Рима, Греции по морю отправляли,
Пленённым воинам судьба была одна.

Служить из страха в римских легионах,
С зверьём сражаться в гладиаторских аренах.
Оставить мысль о лучших переменах,
Былой свободе, собственных знамёнах.

Великий Рим держался грабежом,
Дворцы роскошные рабами возводились,
Мечты рабов во мрамор воплотились,
Свободы римские добыты их трудом.

Захваты пленников – тяжёлая добыча,
За них вино и золото дадут.
Вот потому у скифов ратный труд
Вошёл в почёт, воспринят как обычай.

Соблазнов много Греция сулила
За скифские меха, рабов и кожи.
Оружие кочевникам дороже,
Вот, грекам Скифия путь к берегу открыла.

Делакруа Э. Овидий у скифов. Лондон, галерея.

Для греков выгоден со скифами обмен,
Не знают варвары своим товарам цену:
Табун коней пригонят для обмена,
Бурдюк вина лишь требуют взамен.

Красы невиданной несут меха густые,
Куниц да лис, таёжных соболей,
За них товары требуют простые:
Ножи, одежду, сети для зверей.

Все реки Скифии велики, полноводны,

И Дон, и Днепр, и Волга, и Дунай.
В них рыба множится привольно и свободно,
Наполнил невод – грекам отправляй.

А близ полян и цветников пахучих,
Среди лугов и липовых аллей,
Рои пчелиные несметной кружат тучей,
Мёд добывают те, кто посмелей.

По устьям рек в долинах благодатных
В продажу скифы сеяли зерно.
Для пищи варварам в диковинку оно,
Но как товар из прибыльных и знатных.

К взаимной выгоде без резких перемен
Веками долгими друг с другом торговали
Эллин и скиф и не было печали,
Что торгова суть обман, а не обмен.

Нередко в гавани челны с большим товаром
Таясь, встречали скифские отряды,
Сокровищ кучи получали даром,
Кто налетал на склады из засады.

Купцы эллины возводили города
Поближе к рекам, строили богато.
Селились с семьями надолго, навсегда,
Хранили зорко рухлядь в них и злато.

Из камня стенами постройки окружали,
С бойницами, недремлющим дозором,
Вратами крепкими от вора запирали,
Набегом не возмёшь, осадю не скоро.

От крупных барышей за домом дом
Росли колонии купцов на берегу,
С наделами и мраморным дворцом,
С отрядами, чтоб дать отпор врагу.

Не всё же грекам, варварская знать
От торгов оживлённых богателя
И в той же роскоши жить в городе хотела,
Пить вкусное вино, с красавицами спать.

Носить одежды с золотым шитьём,
Из мягкого сафьяна сапоги,
Мечи булатные и чистым быть при том.
Вот, скифы поняли, что греки не враги.

Сыны царей с надёжною охраной
Не раз бывали в Греции и Риме,
С купеческим ходили караваном,
Презрев опасности и стали там своими.

За храбрость, доблесть, верность и отвагу
Ценились скифы, в Греции служили,
А римские поэты скифам сагу
В войне Трояновой за героизм сложили.

Под сенью императорских знамён,
За процветание свободного народа,
Траян водил и скифский легион,
Свирепость даков усмирила их порода.

Роднились скифы с греками, женились
Нередко на гречанках их цари.
Народы новые по Понту расплодились,
Богам же старым возводились алтари.

По устью Буга вырос город славный,
Лет за шестьсот до рождества Христова,
Назвался Ольвией и в нём начальник главный
Был скифский царь, решающее слово

В совете греческом среди купцов имел.
Царь Сκυλλες назывался игемоном,
В нём греческий архонт давно созрел,
Но войско звал под скифские знамёна.

Имел царь Сκυλλες в Ольвии дворец
По центру города, с своим водопроводом.
Кузнец из Греции сковал золотой венец,
В нём игемон беседовал с народом.

Эдикты и указы возглашал
У алтаря Юпитерова храма.
Богов из Греции своими признавал,

Не видя разницы, у всех одна программа.

Особо в храмах почитался Ахиллес,
Герой Гомеровой поэмы «Илиада»
И сам Гомер набрал у скифов вес,
Почти уж бог, ему и жертвы надо.

Писал в заметках Хрисостом Дион,
Как в Ольвии он пережил осаду.
Вкруг варварами город осаждён,
Но слушать чужеземца были рады.

Во храме Юпитера в чёрных одеждах
Собрались с оружием слушать Диона,
Надеясь: врагов сокрушат, как и прежде
И вновь разобьют, полонят легионы.

Над башнями скифские вились знамёна,
Для варваров смерть раскрывала объятья.
Те, кто осаждали и кто осаждённы,
Недавно в степях кочевали, как братья.

Теперь быт их разный и разная вера,
Брат брату желали пролития крови.
В стенах призывали стихами Гомера
Родство уничтожить, что было не внове.

Вот варвары скифы к стенам приступили,
Метали в защитников копья и стрелы.

Их греки кипящей смолою облили,
У воинов кровь, как смола закипела.

В слепом безрассудстве волна за волною
О крепость отряды степные дробились
И с воем предсмертным, как рёвом прибоя,
Под градами стрел кони, люди валились.

Дымы заклубились на башнях сигналом:
Пора выступать из секретов отрядам.
В местах потаённых скрывалось немало,
Сходились до крепости грозным парадом.

Со скрипом и лязгом открылись врата
Навстречу метавшимся в панике скифам
И поняли варвары: жизнь – суета.
Шли чёрные латники, будто бы грифы.

Бросали плетёные, крепкие сети,
В кольцо осаждавших людей окружали,
В них сыпали стрелы, а пленники эти,
Спасаясь от рабства, о смерти мечтали.

Их несколько сотен в тот день повязали,
Как зверя в сетях погрузили в челны,
Продали для чуждой работы, войны.
Свободу бедняги навек потеряли.

Скюлес, совершив по защитникам тризну,

Назначил на площади храмовой пир.
С отрядами вместе сражался кумир,
Старался к культуре приблизить отчизну.

Построил он в Ольвии рынки и склады,
Гимназиум, рыбный торговый базар,
Амбары для хлеба и рушил преграды,
Считая: вражду побеждает товар.

Богаевский Корабль. Москва, Третьяковская галерея

Немалую цену платил мастерам,
Познавшим закон корабельного дела.
На верфях, заморским не веря дарам,
Свой флот для торговли построил умело.

До самой Сицилии вдоль берегов
Челнами купцы из Ольвии ходили,
Сражались в пути, отражая врагов.
Товары им куш в десять крат приносили.

К языкам способных людей привечали,
Имели на торгах своих толмачей,
Решив, что обман не воспримут ничей.
По спросу цену за товар назначали.

Растила торговля и мощь умножала
Других городов побережия моря.
С богатством, как правило, множилось горе,
Опасность разбоев с их ростом возрастала.

Нужда заставляла в единую силу
Цветущие вместе собрать города.
Босфорское царство возникло тогда,
Народ разномастный в едино сводило.

Столицей избрали Босфорских царей
Известную в древности Панतिकопею.
Там Керчь у Азова на стыке морей
Уютную гавань и ныне имеет.

Издревле возник Херсонес на Днепре,
Затем Фанагория рядом с Таманью.
В Крыму города по обширной земле
Для общей защиты обложены данью.

Успешно налёты врагов отражали,
Всё глубже вторгаясь в прибрежны пространства,
Народ покорённый в рабов превращали.
Фортуна не терпит побед постоянства:

Кульбах В. Нашествие гуннов. Мюнхен, Пинакотека.

На силу нашлась ещё большая сила.
Через Босфор в пятьсот тринадцатом году
Армада войск на шестистах судах входила,
Разор сулила, рабство и беду.

Персидский царь Дарий затеял поход,
Под властную руку воспринять желая
Всю скифскую землю и вольный народ
От устья Дуная до самого края.

Дошла до Ольвии тревожная весть:
Заморские персы пощады не знают,
Разбои чинят, города разоряют,
Тех, кто не сдаётся, ждёт страшная месть.

Царь Сκυλλес направил в пределы гонцов,
На вече вождей от племён собирает,
От скифских, сарматских и прочих родов,
Единым кочевьем сойтись предлагает.

«Забудьте былую вражду, – говорит, —
Сойдитесь со мной на тревожное время,
Иначе свобода навеки сгорит,
В рабов обратится всё вольное племя.

Я царь ваш по праву, рождён паралатом,
Мне кровь не позволит позор наш терпеть.
Был знатным доселе и был я богатым,

Отныне всё злато меняю на смерть.

Накоплены спрячем в пещерах богатства,
В дорогу возьмём лишь еду, да коней.
В бескрайних равнинах всескифское братство
На время объявим по воле своей.

Довертись мне братья, я знаю повадки,
Стратегию, тактику этих людей.
Персидских царей обещания сладки,
Но нравом коварны, не лучше зверей.

Их войско огромно, числом как песок,
Умеют сражаться и в пешем строю.
Не взять их наскоком и в долгом бою,
Возьмём их измором, лишь дайте мне срок.

Заманим, закружим в безводной пустыне,
Засыплем колодцы на ихнем пути.
Издохнут от жажды, уйдут в половине,
Кому мы позволим живыми уйти.

Пройдут две луны чередой в небосклоне,
Иссякнут их доблесть и воинский дух,
Возропщут войска от бесцельной погони,
О гибели верной надломит их слух.

Геройствуют ныне, как грабят дома,
Дворцов, теремов нет в лесах и в долине,

Сокровищ, что алчут, не будет в помине.
Ощиплем их братья, а там и зима.

Завьюжит метель и завоеет пурга,
Всё небо покроется мглой без просвета.
У персов доспехи, а шуб тёплых нету,
Загоним в сугробы босого врага.

Весной соберём их мечи и доспехи
И ради потехи насыплем курган
Из ихних костей, для истории вехи,
В веках не покроет забвенья туман.

Узнают потомки по хищным оскалам,
По чашам и кубкам из их черепов,
Как персов незваных земля принимала,
Как скифы встречают всесильных врагов.

Для общих кочевий наметим пути,
Где мало колодцев, источников, рек,
Где долго не сможет прожить человек,
А войску персидскому трудно пройти.

Пусть женщины, дети с обозами вместе
На север в воловьих кибитках кочуют,
На сутки вперёд от отрядов ночуют.
Пусть жертвы приносят и Марсу и Весте.

Волхвы да не скупятся пусть на молитвы,

Кудесники к духам могучим взывают,
Чтоб битву нам выиграть вовсе без битвы,
Стихии на Дария пусть обращают»

Вошёл Дарий с войском в степные пределы,
Разрушив все крепости, взяв города,
Оставив с охраной на море суда.
И будто земля под стопой загорела.

Леса и поля пожирают пожары,
На север стремится от гибели зверь.
Царь Скил хитрый план разработал недаром:
Уж лошадидохнут, что делать теперь?

А скифы маячат в отрядах вдали,
В бои не вступают, так что ж это значит?
«Мы б воинство их уничтожить могли,
Породою трусы, бегут не иначе»

Царь Дарий и сам недоволен собой,
Привычно в боях брать богатые царства,
А тут лишь пылают степные пространства,
В них не с кем сразиться, как только с судьбой.

В ночи набегают, как будто шакалы,
Терзают с провизией с тыла обозы.
Прошло две недели – украли немало,
Ещё две пройдут и останутся слёзы.

Послал Дарий персов с разведкою в Крым,
Узнать, не богато ли тавры живут.
Доносят: богатство такое же – дым,
Там тавры встречали их так же, как тут.

Хлеба посжигали, живут грабежом.
По норам все прячутся, если не ночь,
А ночью разжиться разбоем не прочь.
Селятся в лачугах, не нужен им дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.